

Алла Лейвич

Блудная дочь

Исповедь московской путаны

Алла Лейвич

**Блудная дочь. Исповедь
московской путаны**

«Издательские решения»

Лейвич А.

Блудная дочь. Исповедь московской путаны / А. Лейвич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854076-9

«Блудная дочь» — роман-исповедь, написанный от лица молоденькой московской путаны. Это глас вопиющего в пустыне, попытка остановить руку, вот-вот готовую бросить камень в другого, не такого, как ты... Очень просто окружить себя частоколом из мифов и раз и навсегда отделить «других» от себя. Проституция никогда не коснется тихой домашней девочки из благополучной семьи, никогда не войдет в жизнь ее друзей и знакомых... Но что, если правда окажется совсем не такой? И кто же тогда — проститутки?..

ISBN 978-5-44-854076-9

© Лейвич А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Блудная дочь Исповедь московской путаны

Алла Лейвич

© Алла Лейвич, 2017

ISBN 978-5-4485-4076-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево своё рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.

Встал и пошел к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться.

Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

(Лк. 15:11—32)

Вместо предисловия

В последнее время мне все чаще приходится общаться с детьми. Не потому, что сильно хочу – просто так получается. Вот и недавно так получилось. Я встретила с ними на берегу реки, под холмом. И мы говорили об ответственности. Об ответственности за тех, кого приручили. Мы говорили о покаянии.

– Не то страшно, что Адам с Евой съели запретный плод. А то, что они не нашли потом в себе силы раскаяться. Понимаете это?

Дети молчали и слушали. Они знали эту историю назубок. Но им никто об этом *так* не рассказывал!

– А мы лучше, что ли? – продолжаю гнуть свою мысль. – Мы ж такие же идиоты. Что, Гриш, не так? Напортачим, и в кусты. И думаем: «Авось пронесет!» Это ж как грех ослепляет, что человеку приходит в голову мысль от Бога по кустам прятаться! От Вездесущего! Бога!

Ребята смеются. Каждый вспомнил свое.

– А вот другая история. Еще интересней. Хотите загадку? – вдруг резко перевожу тему я. Дети загадку хотят. Конечно, хотят.

– Историю про Каина с Авелем все знают? (дети хором: да!!!). А вот вопрос вам тогда. Только не торопитесь: почему Каин Авеля убил?

Посыпались ответы с разных сторон: из зависти, потому что обиделся, потому что заревновал к Богу, потому что Бог не принял жертву Каина, а Авеля принял...

– Стоп, стоп, стоп, – поднимаю я руку. – Я спрашиваю не «за что», а «почему». Хорошо. По-другому задам вопрос. Что позволило в Каине – внутри Каина, в душе его – убить Авеля, своего брата?

Дети молчат. На добротолубии им об этом не говорили. Тогда я еще больше унифицирую свой вопрос, делаю общим, касаюсь им каждого. Мы снова в «здесь и сейчас».

– Подумайте, что позволяет человеку убить другого человека. КОГДА он может убить?

Звучат робкие голоса: «Ну, когда очень обижен... когда сердится, мстит...»

– Все обижаются, все завидуют, все сердятся и многие мстят. Но убивают не все. Почему? Не знают. Молчат.

– Сдается?

В ответ – облегченное «да!».

– Каин смог убить Авеля (я приглушаю чуть голос и замедляю речь – чтобы каждый мог услышать, запомнить и обдумать потом; потом каждому из них эта мысль пригодится), потому что *перестал видеть в нем человека*.

Замолкаю, обвожу глазами вытянувшиеся лица: это как?

– Понимаете, человека убить нельзя. До тех пор, пока ты видишь в другом человека – одного с тобой достоинства существо – ты не сможешь его убить. Внутри нас стоит блок, запрет, табу. Это есть во всех людях, в каждом из нас. Заложено в сердце. Но почему тогда человек убивает? Потому что *перестает видеть человека в другом*. Потому что другой для него в этот момент кто угодно – враг, неприятель, фашист, сионист, немец, «ватник», «укроп» – кто угодно, но только не человек! И тогда он может убить.

– Так вот, – продолжаю я. – Все войны, все убийства, все насильственные смерти у нас от того, что когда-то всего один человек показал, каково это – расчеловечить в другом человека.

Искренне надеюсь, что эта книга сделает нас честнее и хоть чуточку человечнее.

Глава 1

Детство

С этого все начинается. Первое воспоминание: мама везет меня на коляске, я смотрю на свои ноги, разглядываю ботинки красно-желтого цвета, под колесами – мокрый асфальт. Вечер. За спиной – звук маминых каблучков. Почему из всего сонма детских впечатлений запомнилось именно это? Бог весть. Следом идет целый вихрь воспоминаний из деревенской жизни, хотя в деревне я проводила не больше шести месяцев в году. Остальные – дома, в Москве. Но почему-то именно деревня имела на меня колоссальное влияние. Все лучшее, что помню, что сохранилось в памяти до раскола семьи – связано с ней.

Друзья были в деревне. В Москве могли быть только приятели. Вообще, что такое моя деревня. Представьте себе: шесть домов. У каждого участок – почти гектар. Можно лето прожить и соседей не видеть. В нескольких сотнях метров начинается лес. Дома – на холме, под ним – два пруда: большой и маленький. В маленьком, было время, карасей руками ловили. В большом, говаривали, водился карп. Врали, наверное. Но все равно – рыбы навалом было. Даже мы, ребята малолетняя, умудрялись неплохой лов домой приносить.

Дети жили во всех домах. Мы дружили без исключений. Телевизоров не было, о компьютерах тогда не все даже слышали... В общем, свободного времени было полно, и все проводилось на свежем воздухе. Бабушкам за нами приглядывать некогда было. Да и куда бы мы деться могли? До ближайшего населенного пункта – несколько километров по бездорожью. В нашем захолустье не было даже магазина, только по четвергам машина хлеб завозила, да иногда автолавка наведывалась с дешевым пивом и леденцами. Но, все-таки, как было там интересно! Изоляция подарила нам, детям, свободу, которой мы были лишены в своих городах (а съезжались мы с разных концов России). Мы придумали целый мир, маленькое государство, лишненное пошлости, страха и нужды. В какой-то мере, так получилось благодаря нашему лидеру, Вадиму – мальчику, который был старше меня на шесть лет. Этот мальчик стал для меня идеалом, недостижимой вершиной, принцем, всем в одном. Я, маленькая сопливая девчонка, обожала его, не смея даже заикнуться о своем к нему чувстве. Потом появилась Марина, и для меня начались мучительные годы ревности. Это был первый и последний мужчина в моей жизни, которого я ревновала и который, наверное, имел право на мою ревность. Он так и не узнал о моей любви.

Мы выросли. Мир, собранный по крупицам из ничего, наша светлая сказка – опошлится и, за ненадобностью, исчез. Не было больше того Вадима, не стало и той девочки Ляли...

Последнее воспоминание того времени – божья коровка. Обыкновенная божья коровка на его руке. Мы шли полем в ближайший поселок. Вадим, брат и я. Марины не было рядом, куда она делась? Не помню. Мне шел пятнадцатый год. Пухлый, нескладный подросток...

– Возьми, – просто сказал мне Вадим. – Видишь: три точки, – и аккуратно перенес жучка на мою руку.

Я замерла. Это движение – простое касание запястья – дыхание, взгляд, улыбка – врезались в память, как в камень...

...Как закончилось детство? Тоже в деревне. Подходил к концу сложный возраст: семнадцать лет. С Вадимом я виделась редко – он заканчивал институт и где-то работал. Встречи для меня были болезненны – я не знала, как себя с ним вести. Заикалась, краснела... А вечерами писала дневник.

В то лето я жила в деревне с одним только дедушкой. Бабушка к тому времени уже умерла. Дед много пил, выпивши – становился злым, агрессивным. Отчасти из страха, но больше – из потребности быть одной, я стала ночевать в недостроенной бане, запиравшейся изнутри. Там же стала организовывать ночные посиделки с ребятами.

Мы пили и пробовали курить. Как все подростки – не столько из желания, сколько из спортивного интереса. Никогда не забуду три литровых бутылки пива «Макарий», выпитые мною на скорость за полчаса... И слова моего двоюродного брата, сказанные возле дивана, где я, заблеванная, распласталась: «Посмотрим, как она поведет себя, когда придет в чувство: у нее теперь два пути: или она будет бухать, или впредь не сможет выпить ни капли». Когда я пришла в себя, первое, что заставила себя сделать – разбила все емкости с алкоголем. В том числе дедушкины водку и самогон. И даже праздничную наливку, за что мне, конечно, досталось. Я стала употреблять спиртное лишь несколько лет спустя. И даже пыталась спиться. Однако пиво не выношу до сих пор. Даже на запах.

Как-то я поехала на велосипеде в соседнее село за мороженым, и встретила местного пастуха, молодого смазливового парня, с которым до этого была немного знакома. Мы поговорили, и я уже собралась было ехать домой, но у меня соскочила цепь. Он вызвался поставить ее на место, но ничего не вышло. Сейчас понимаю: это было обычной уловкой с его стороны. Он просто хотел проводить меня до деревни.

И мы пошли. Пастух говорил много и без толку: о своей жене, на которой женился, «потому что она на картошке полола хорошо», о самом себе, таком хорошем, только неприкаянном очень, о коровах, которых пас... Я слушала вполуха. Меня интересовало одно: как не попасться на глаза Вадиму или кому-нибудь из местных бабуй. Если б увидели, в лучшем случае, мне грозило стать объектом насмешек. В худшем – могли отправить в Москву. Девичью честь в деревне хранили строго. Особенно воспрещалось иметь дело с «чужими». Пастух был «чужим».

Мне повезло. В деревне в это время было безлюдно.

– Может, пригласишь? – спросил он, когда мы подошли к дому.

– Куда? – не поняла я. Он указал на баньку.

Не чувствуя подвоха, я пригласила его пройти внутрь. Там стоял маленький диванчик, стол, стул. На столе – печатная машинка, свеча и куча бумаг. Я все время писала, сколько помню себя. Сказки, дневники, рассказы... С восьми лет знала, что буду писателем и не стеснялась об этом всем сообщать.

– Что это? – спросил он, взяв одну из бумажек.

– Повесть, – краснея, ответила я.

– Да? Про что?

Я замялась. Но потом все же сказала:

– Я ее не закончила. Она про то, как у людей по весне «крыша едет». «Весеннее обострение» называется.

Он удивленно посмотрел на меня, но больше ничего не сказал. Мы помолчали.

– А где ты спишь? – вдруг спросил он.

– Под крышей, – я указала наверх, куда вела хрупкая деревянная лестница. – Там теплее и в то же время, воздух более свежий.

– Круто! Я посмотрю?

– Смотри, – разрешила я. – Осторожно только.

Он поднялся и пригласил меня последовать за ним. На втором этаже всю площадь занимала лежанка. Снизу виден был лишь ее небольшой квадрат – как раз там, где была приставлена лестница. Это обстоятельство в тот раз здорово меня выручило, потому что как только я забралась наверх, раздался стук в дверь.

– Лялька, ты здесь? Кто у тебя там?

Зычный голос бабы Шуры застал меня врасплох. Я быстро спустилась, шепнув своему «ухажеру», чтобы спрятался под одеяло и не смел дышать, и открыла дверь. Баба Шура представляла собой ныне почти полностью вымерший вид могучих, волевых старух, чей вид приводил в трепет не одно поколение местных жителей. Оглушающий голос, высокий рост, сильные руки, негибкая спина – много ли таких осталось? А ведь ей давно перевалило за семьдесят. Баба Шура, родная сестра моего деда, жила в соседнем доме, ее участок был крайним в деревне и «втекал» в лес. Она была единственной, кто оставался здесь на зиму. Уезжая, жители доверяли ей скотину и птицу, оставляли «на всякий пожарный» ключи от избышек и знали: все будет в порядке. Так и было. Эта бабушка будто хранила деревню, оберегала от всякого зла.

И вот сейчас она стояла передо мной, вытирая руки передником, и подозрительно осматривалась по углам моей баньки.

– Ну, кого привела, а? – весело и в то же время сурово спросила она.

Я тут же приняла вид оскорбленной невинности.

– Вы это о чем, баб Шур?

– Ты с кем разговаривала? Мужской голос был, – не отступала старуха.

– Какой голос? Баб Шур...

Мне было страшно и смешно одновременно. Я знала, что она полезет вверх – нужно было придумать что-то, чтобы предотвратить ее «знакомство» с пастухом. Ведь знала прекрасно – проблем не оберешься потом.

– Ты наверну прячешь кого-то, – поводя носом, будто ищейка, сказала она.

Я рассмеялась.

– Ага. Полк прячу. Не верите – полезайте, смотрите. Только имейте в виду: первая и третья ступеньки на ладан дышат, могут Ваш вес и не выдержать.

Хитрость сработала: баба Шура недоверчиво покосилась на действительно шаткую лесенку, потом на узкий проем и снова на лесенку...

– Точно не прячешь? – еще раз спросила она.

– Точно, – улыбнулась я. Пастух не шевелился и, похоже, действительно дышал через раз.

Мы еще немного поговорили о том, о сем с бабой Шурой, и она, наконец, ушла.

Наверх я рискнула подняться не сразу. Проследила, пока спина старухи не скроется за дальним кустом и только тогда тихонечко позвала:

– Ну, ты как там? Живой?

– Живой... – со смехом отозвался сверху пастух. – Чуть сам себя не задушил. Веселая ты.

– Не веселая, а отчаянная, – поправила его я. – Слезай давай. Тебя жена заждалась.

– Уже? А ты... не хочешь подняться?

– Нет. У меня проблемы будут.

Пастух неохотно спустился, но уходить не спешил.

– Дай хоть поцелую тебя на прощанье... если моей не хочешь быть.

– Целуй, – сказала я, подставив ему для этого дела щеку. Но он резким движением развернул мое лицо и впился мне в губы. Все время, пока длился его поцелуй, я думала, отстраниться мне или нет. Никакого возбуждения не ощутила, впрочем, омерзительно тоже не было. Потеря девственности придет позже (с другим), и тогда тоже не будет ни малейшего возбуждения. Я буду смеяться, видя со стороны нелепость его движений, считая количество неудачных попыток проникнуть в меня... Буду смеяться зло и безжалостно. Зачем? Я не знаю ответа на этот вопрос.

Вечером пастух снова пришел. И его видели другие ребята.

– Что у тебя в кровати? – спросила 13-летняя Настя.

– Обогреватель, – ответила я. Что еще могла я сказать?

Играли в карты на раздевание. Я чаще выигрывала, поэтому голым сидел пастух. Мы издевались над ним. Уже и не помню, как. Потом он ушел, сообщив, что любит меня и готов развестись со своей женой, потому что она постоянно использует в воспитательных целях тяжелые бытовые предметы, а у него голова не железная и запасных нет... Мне было смешно.

А на следующее утро, в пятом часу, прибежал взбудораженный Минька – подросток пятнадцати лет – и с порога выпалил новость:

– Бабки сегодня дегтем тебя поливать придут. Уезжай быстрее. Я сам слышал. Их дед твой поведет. Это все из-за пастуха того. Он спьяну к тете Тосе завалился и наговорил всякого.

– Что он сказал?

– Не знаю. Но вся деревня на ушах стоит. Беги, Ляльк. Они рано придут.

– Спасибо, Минька.

– Да не за что. Жалко, конечно...

Он не договорил. Я понимала, почему жалко. Этот приезд в деревню для меня станет последним. Мы вряд ли еще увидимся. В прошлое уходила целая жизнь. И даже если когда-нибудь встретимся – кто мы будем друг другу? Чужие люди.

Я ничего не брала с собой. Только паспорт и деньги, припрятанные как раз на подобный случай. Шла к ближайшему городу, не через село – там бы нашли. Семнадцать километров по полю, потому что по дороге тоже было опасно идти – могли завернуть. Уже из города позвонила маме, предупредила, что еду.

– А что случилось, Ляля?

– Потом расскажу. Наши бабушки с дедом во главе с ума сошли.

Я первый раз уезжала одна. Дорога не близкая: сначала на автобусе нужно доехать до Нижнего Новгорода и только затем сесть на поезд – и до Москвы.

Мама встретила меня не очень-то ласково: дед ей успел позвонить раньше, чем я добралась.

– Ничего не было, мама, – пыталась я защититься. Но были найдены вещественные доказательства: порванные трусы под подушкой.

– Я не знаю, что там делали трусы, к тому же порванные, – отбивалась я. – В карты на раздевание – да, играли. Но проигрывала-то не я!

Ситуация была смешной и грустной одновременно. Детство захлопнуло двери, а для взрослой жизни я еще не была готова. И у меня разом не стало друзей. Тех, с кем не страшно было и взростеть вместе. Я вдруг осталась совершенно одна. А понимала ли это? Вряд ли.

Глава 2

Семья

Из троих детей я была младшей. Жили трудно сначала – брак моего отца, в то время занимавшего очень высокое положение, и моей матери из простой среды, был воспринят начальством в штыки. Ситуация осложнилась тем, что фактически мама увела отца от его предыдущей жены, с которой он прожил больше тринадцати лет. В конце семидесятых такое поведение сочли аморальным и обоих уволили. Маму сразу, отца – через два года после развода с женой.

Уходя, папа не взял ничего, кроме ключей от старенького дырявого «москвича». У мамы к тому времени уже была дочь от первого брака – восьмилетняя Надя. Жили в пустой квартире. Денег на мебель не было. Мамины родители не помогали: у нового зятя оказался длинный нос и армяно-еврейские корни. Этого было достаточно, чтобы папу долгое время не принимали в семью. Нуждались буквально во всем: работу найти было сложно. А потом и дети пошли. В 82-м году родился мой брат, Игорь, а спустя еще время, в конце 83-го, на свет появилась я.

Воспоминание из раннего детства: сидим на матрасе, мама обнимает нас с Игорем и читает стихи. Лермонтова. Есть нечего, но мы счастливы: мама читает. Когда Игорь пошел в первый класс, жить стало легче: папа устроился на работу в издательство, маму взяли библиотекарем в школу. Тогда по пятницам приходили ребята из класса брата, рассаживались с подушками на полу, мама зажигала «свечку-сказку» в деревянном подсвечнике и читала страшные сказки про мертвецов и всякую нечисть. Это были малоизвестные русские народные сказки, тогда, да и сейчас – редкость большая. И мы слушали, затаив дыхание. Помню, как я гордилась, что у меня такая хорошая мама. И мечтала скорей пойти в школу, чтобы и с моим классом было так хорошо, как сейчас. Но на меня у мамы сил уже не хватило.

Иногда она заменяла уроки. Могла вести все, что угодно: от математики до литературы. На ее занятиях было интересно, но страшно: я боялась, что мама спросит то, чего я не знаю, и отругает меня при всем классе или, того хуже, побьет. Лупила она меня регулярно. И брату тоже доставалось частенько.

– Бестолочи! – ругалась мама. – Элементарщину понять не можете. А как дальше будете? Дальше ведь будет сложнее!

Мы обижались, но умнее не становились. Мама отчаивалась донести до нас хоть что-то из того груза знаний, который мы, по ее мнению, обязаны были иметь. Но я любила литературу и русский. И терпеть не могла математику и труды. И брат не любил математику, предпочитая историю и компьютер. Мама пыталась побороть нашу лень, но мы становились лишь изворотливее в придумывании очередных отговорок, чтобы не делать то, что делать должны. В шестом классе я выбросила дневник на помойку, потому что там завелась моя первая тройка. Разумеется, все раскрылось, и влетело мне тогда будь здоров.

Тем не менее, мы были очень привязаны к маме. Ревновали друг к другу, тянули каждый к себе, требуя больше любви. И мама играла на наших к ней чувствах: ее проявление интереса и нежности к нам напрямую зависело от нашего поведения. Получила пятерку – любимая, принесла двойку – нет. Мы из-за этого сильно страдали, завидовали и мстили друг другу. Дрались

все время. Не было дня, когда бы мы жили мирно. Придумывались всевозможные предлоги для обид, но причина была одна: маму не поделили.

С отцом было не так. Мы его видели редко: он много работал, а дома вел тихую незаметную жизнь. Никогда не ругался, ни разу не поднял на нас руки. Все свободное время читал, спал или играл в «косынку». С возрастом отношения с отцом усложнились: я стала раздражаться по малейшему поводу, искала возможности поругаться, спровоцировать его на конфликт. Мне были невыносимы его прикосновения. Я хлопала дверью, хамила... Безобразно себя вела. И не понимала, что происходит, не могла объяснить свое поведение ни другим, ни себе. Запиралась в своей комнате, вжималась в подушку и злилась на весь белый свет.

Единственное, что нас с ним хоть как-то в то время сближало – это любовь к животным. Любим, разницы я не делала никакой. Мама приходила в ужас от всех моих тараканов, лягушек, мышей и крыс, но ничего не могла с этим поделать: даже если удавалось избавиться от одних «постояльцев», на смену им тут же приходили другие. Бывало, мне приходилось разыгрывать целые спектакли, чтобы очередной «нелегал» получил «прописку» в нашей квартире. И без поддержки папы было не обойтись.

Помню, как я решила таким образом «легализовать» очередного крысенка, уже неделю жившего тайно в коробке из-под обуви в книжном шкафу. Яшка была совершенно ручной месячной крыской, к тому же неглупой: имея возможность бродить, где ей вздумается, никогда не выходила за пределы моей комнаты, отзывалась на имя и пряталась, если слышала чужие шаги. Тем не менее, я понимала, что долго так продолжаться не может, ведь она могла в любой момент перегрызть проводку. Если бы это случилось, то досталось бы второй крысе, «легализованной» около года назад.

«Операцию» решила приурочить к папиному Дню Рождения. Я надеялась, что в такой день все будут в благодушном настроении, и нам с Яшкой удастся избежать скандала. За несколько дней до этого маме стали чудиться большие дикие крысы, бегающие по квартире.

– Я вам говорю, крысу видела! Вот такую, огромную. Серую! – в ужасе рассказывала она. Сима, вторая крыса, была серой и тоже ручной. Папа ее любил и часто носил на плече. Ему нравилось слушать, как Симка фыркает и чихает ему в ухо. Мама за это на отца обижалась и считала его в этом отношении самым настоящим предателем.

Так вот, сначала думали, что это она по ночам выходит и маму пугает. Но оказалось, что все это время крыса сидела в клетке. Яшка же была маленькой и к тому же двухцветной: черная с белым.

Мой план был прост: я решила выдать свою Яшку за ту самую «дикую, серую и огромную» крысу. Для этого просто незаметно выпустила ее в той комнате, где собирались сидеть за столом. Яшка, умная девочка, сразу же побежала под диван и там притаилась. Я не могла за ней наблюдать – нужно было помогать маме – и крыса на какое-то время оказалась предоставлена самой себе.

Когда стол был готов, и семья стала рассаживаться по местам, Надя, моя сестра, хотела взять стул, на котором висели штаны брата. Она сняла их со спинки и зачем-то встряхнула... вывалив на середину комнаты Яшку. Завизжав, женщины в один миг вскочили на кресла.

– Ляля!!! – хором завопили они.

Мне потребовался весь мой актерский талант, чтобы не рассмеяться и сделать вид, что я сама удивлена не меньше их.

– Ну, надо же... крыса! – сказала я. И добавила для достоверности: – Не слезайте пока. Вдруг она дикая?

– Дикая?.. – У Нади задрожали коленки. А мама сказала:

– Я же говорила вам, что крыс видела! Их, может, полчища здесь. Это все Лялька виновата: натаскала нам всяких, а они, может, запахом приманивают других. Или еще как-нибудь сообщают: приходите, здесь жрать дают!

Мама говорила и распалялась. Вот уже и сестра в отчаянии закричала:

– Да выбросите вы их всех! Это же страх один.

И все кончилось бы, наверное, плохо, если бы не вмешался отец:

– Успокойтесь. Что вы орете? Она маленькая же совсем. И боится сейчас больше вашего.

– Ага, маленькая... – не сдавалась мама. – А хвост у нее вон какой! И зубы тоже...

А если б она ночью по лицу прошлась? Смерти моей захотел, да?

Папа ничего не ответил, и я сделала вид, что занята поиском какого-нибудь предмета, чтобы дать его крысе и посмотреть: будет она на него бросаться или нет. Потыкав в «ребенка» трубочкой, поиграв с ней шнурком и, наконец, вручив кусок колбаски, было выяснено, что крыса ручная, беззлобная, и аппетит, несмотря на агрессию окружающих, у нее превосходный. Но пока мы с папой умилялись положительными качествами зверька, мама задала новый вопрос:

– А что здесь делает такая замечательная ручная крыса?!

Все уставились на меня. Даже папа.

– Н-не знаю, – пряча глаза, промямлила я. Но потом сообразила, что проваливаю всю операцию, и перешла в наступательную позицию: – А что вы прицепились ко мне? Ну, крыса какая-то пришла, ну и что? Может, это соседи подбросили! Или Бог послал! Мало ли! И вообще – вы замучили уже животное воплями своими. Даже я чуть не оглохла, а ей каково? Маленькой? Подумали, нет?

Не дожидаясь ответа, я подхватила и правда пришавшуюся крысу и убежала к себе. Сквозь закрытую дверь я слышала разговор за столом – все спорили, что делать с крысенком дальше. Игорь предложил выбросить обеих крыс в мусоропровод.

– Нафига они здесь нужны? Развели, понимаешь... А все ты, мать, вечно на ее поводу идешь! И папаня туда же...

– Что ты имеешь против безобидных животных? – вступился за нас отец. – Они что, и тебе по ночам мерещатся? Полчищами?

– Я имею против нее, – Игорь кивнул в мою сторону. – Разбаловали ее. Все ей можно, вот она и обнаглела вконец. Сегодня она крыс тащит, а завтра мы будем крокодилов из ванной вылавливать?

– Игорь, ты неправ, – мягко попытался остановить его папа. – Просто у вас разные увлечения. Тебе нравится играть за компьютером, а Ляле нравится возиться с животными. Что здесь плохого?

– А то плохое, – сказала мама. – Что после Лялиных невинных увлечений у матери неделями давление не проходит! Значит, так. Вы как хотите, но чтобы крыс не было в доме больше! Все. Хватит!

Я сжалась. Значит, они могут сделать плохое не только Яшке, но и моей серой Симе! Что, если сделают?

В комнату вошел брат.

– Где крыса? – сухо спросил он.

Я указала на коробку из-под обуви. Ни слова не говоря, он схватил крысенка и вышел из квартиры. «В мусоропровод!» – поняла я. И похолодела. Этого нельзя допустить!

Я бросилась следом.

– Игорь, стой!

Брат стоял в нерешительности за дверью. Конечно, он не собирался выбрасывать крысу. Ему просто хотелось помучить меня и заодно показать маме, какой он, на моем фоне, хороший. Мне потребовалась доля секунды, чтобы все понять и на ходу переиграть ситуацию.

– Ну что? Ты же собирался спустить ее в мусоропровод. Чего ждешь? Давай!

– Иди отсюда, – пробурчал он. Все это время Яшка сидела на его ладонях, облизывала ему пальцы и тихонько пофыркивала. Ну как можно бояться такое трогательное существо? Как можно причинить ему зло? Игорь не был бездушным, никогда не был, даже когда ему хотелось таким казаться. Вот и сейчас он рвался между возникшей симпатией к зверьку и желанием угодить матери. Но первое оказалось сильнее.

– На, – протянул он мне Яшку. – И чтоб больше я не видел этого.

– Спасибо, – почему-то вырвалось у меня. Тогда я подумала, что мой брат – далеко не самый плохой на свете.

Позже страсти поутихли, и Яшка осталась жить в семье. Как мне и хотелось.

...Папа умер в возрасте 63 лет от инфаркта, четвертого по счету. Мне было 16 лет. Смерть отца здорово подкосила нашу семью. Мама стала часто и сильно болеть. Она любила отца, но только после его смерти вдруг поняла, какое огромное место он занимал в ее жизни.

Я тогда мало что понимала. Сосредоточенная на собственных переживаниях, росла эгоистом.

Отношения с братом ухудшились. Дело шло уже дальше драк: нам было тесно под одной крышей. По большому счету, эгоистами мы были оба. Нам дела не было до того, что чувствует мать.

Сестра рано вышла замуж и жила с мужем отдельно. Вплоть до моего ухода из дома, у нас с ней сохранялись хорошие отношения. А потом... все изменилось.

Глава 3

Разрыв

Основной причиной моего ухода из дома все-таки был конфликт с братом. Я много об этом думала. Снова и снова прокручивала события тех дней и всякий раз приходила к одному и тому же выводу: по-другому я поступить не могла.

Я мечтала жить одна. Бредила независимостью. Чем больше семья сопротивлялась моему уходу из дома, тем тверже я становилась в своем решении. Я непременно уйду! Сегодня или завтра, или через неделю, неважно. Мне было необходимо уйти. В этом рвении я впервые проявила характер. Как позже сказала мама: «Оля, у тебя сильнейшая воля... к абсурду». Может быть.

Решение уйти в публичный дом пришло не сразу. Я подбирала другие варианты. Жить в общежитии, уйти в монастырь, поехать в глухую деревню... замуж выйти, в конце концов. Но женихи в очередь вставать не спешили, денег, чтобы жить в другом месте, у меня не было, в монастырь уйти я тоже не могла, потому что в то время увлекалась баптизмом... куда еще?

Разговоры с матерью и сестрой заканчивались одним и тем же:

– Оля, пойми, жить одной очень трудно. Ты не сможешь, не справишься, ты еще не готова...

Из меня пробовали «выколачивать дурь», водили к психологам и психиатрам. Но все эти попытки оградить меня от принятого решения привели лишь к тому, что я стала во всех домочадцах видеть своих врагов. Так продолжалось несколько месяцев.

А потом я купила журнал «Работа и зарплата», долго просматривала его и, наконец, нашла объявление о приеме девушек на работу. На какую работу – я знала. Не совсем же глупой была...

Позвонила. Первое собеседование не прошла – не подошла по внешним данным. Как я тогда переживала! Неужели я до такой степени некрасивая, что меня даже в бордель не берут? Девочке восемнадцать лет. Женственность толком проснуться еще не успела. Мужиков откровенно боялась. Пухленькая, угловатая, неуклюжая... Прыщики подростковые не прошли даже. Кому такая нужна? Больно было.

Вот тогда включился другой «аргумент»: возникло непреодолимое желание стать другой. Не просто прийти в публичный дом и пережить там какое-то время, нет. Чтобы заглушить боль, причиненную мужичонкой-охранником, сказавшим: «Извините, вы не подходите...», мне требовалось стать лучшей. Этот мотив и определил все мои дальнейшие действия... и упорство, с каким я рвалась из дома в ту страшную и совсем незнакомую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.